

найти смерть в морской пучине, так как катастрофа была неминуема, а берег казался недостижимым. И, однако, именно море стало кратчайшим путем к спасению: шлюпка доставила Тургенева и его спутников к берегу. Это событие не могло не оставить неизгладимого следа в душе писателя и, возможно, предопределило особое отношение к морю, несущему смерть.

В заключение необходимо отметить, что „морское” было для Тургенева не просто литературной темой, но жизненно важным личным переживанием, образы которого являли архетипическое, которое чаще всего всплывало в сновидениях.

Список использованной литературы

1. Топоров В.Н. О „поэтическом” комплексе моря и его психофизиологических основах // История культуры и поэтика. - М., 1994. - С. 11-52.
2. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ // Исследования в области мифопоэтического. - М., 1995. - С. 575-622.
3. Топоров В.Н. Странный Тургенев. - М., 1998. - 192 с.
4. Тургенев И.С. Полное собрание соч. и писем в 28 тт. - Т. 13. -М.-Л, 1967. - 735 с.
5. Тургенев И.С. Рудин. Романы. - Львов, 1983. -600 с.

Summary

The article deals with the problem of the archetype of the sea in I.S.Turgenev's works, traces back the presence of the „marine ” in the literary works of the writer.

Т.В.Михальченко
старший преподаватель
И.Белоконенко
студентка

ПРИЧИНЫ ДУХОВНОГО ПАДЕНИЯ ЖИЛЯ ДЕ РЕ (по роману Ж.К.Гюисманса „Геенна огненная”)

Ця стаття присвячена аналізу натуралістичної концепції особистості, втіленої Гюїсмансом в історії морального занепаду Жюля де Ре, героя роману „ Геенна Огненная ”.

Французский писатель Ж.К.Гюисманс (1848-1907) известен как автор натуралистического направления. В его творчестве сконцентрированы многие идеи и мотивы Э.Золя, „патриарха натуралистической школы”. Наиболее известны романы Гюисманса „Сестры Ватар” (1879), „С мешком за плечом” (1880), „Семейный очаг” (1881), „По течению” (1881) [2].

Однако его творчество не нашло должного отражения в современной литературной критике. Возможно, это связано с давней традицией рассматривать натурализм в русле развития реалистической литературы, отказывая этому мощному литературному направлению в художественной самостоятельности и высказывая сожаление по поводу того, что в произведениях натуралистов „ценные социальные аспекты были заслонены мотивами патологии” [3, с. 344].

Наиболее яркое воплощение натуралистическая концепция личности получила в

романе Гюисманса „Геенна огненная" (1891), ставшем наряду с романом Э.Золя „Человек-зверь" (1890) одним из репрезентативных образцов натуралистической прозы имморалистического толка.

В начале XX века название романа было переведено в варианте „Там, внизу", а в 1993 году свет увидел наиболее приближенный к оригиналу текст перевода уже под заголовком „Геенна огненная". Источником нашего исследования и есть названное издание романа.

Цель статьи: изучение причин морального падения одного из героев романа - Жилья де Ре, являющегося реальной исторической личностью и одним из прототипов будущего литературного образа Синей Бороды. Для решения поставленной цели необходимо проанализировать каждый этап жизни этого персонажа.

Жиль де Ре был самым богатым бароном Франции, позже купившим титул маршала. Юность и молодые годы героя проходили при дворе короля Карла VII. Жиль де Ре принимал участие в военных действиях против англичан.

Жизнь столкнула героя с одной из самых притягательных личностей XV века - Жанной д'Арк.

Жиль де Ре следовал за ней повсюду, участвовал в сражениях, побывал вместе с ней у стен Парижа: „... у него было особое отношение к Орлеанской деве, он был всячески ей предан и всячески опекал ее" [1, с. 37]. Именно в это время его душа впервые окунулась в мир мистики, так как общение с этой „странной простушкой", носившей отпечаток божественного вмешательства, внесло в его душу¹ смуту и неопределенность.

После предательства Карлом VII Жанны д'Арк Жиль покинул двор и уединился в замке Тиффог. Смерть Орлеанской девы заставила героя разувериться в боге, который, по его мнению, не пожелал спасти самых светлых и чистых людей и поэтому не заслуживает внимания.

Теперь Жиль де Ре уже не солдафон в доспехах. В нем проснулся художник, эрудит. Выделяясь из своего круга, где большинство пэров были невеждами, Жиль интересовался таинственными заклинаниями демонов, обожал церковную музыку, он хорошо начитан и слыл чудесным собеседником. Однако финансовые поддержки королю, который тратил огромные средства на содержание армии, нанесли состоянию героя непоправимые потери. Чтобы поправить положение, ему приходилось почти за бесценок продавать фамильные земли. Единственный путь к обогащению Жиль видит в алхимии. В замке Тиффог он начинает колдовать над перегонным кубом, и с этого момента начинается вереница преступлений, окутанных магией.

Так, мирно настроенный интеллеktуал становится на путь убийств и черных месс. „Общение с Жанной д'Арк обострило его набожность, а от мистической экзальтации до яростного сатанизма - один шаг. В потустороннем мире все сливается. Его подтолкнули к этому отступники, заклинатели металлов, посланники демонов, окружавшие его в Тиффог" [1, с. 42].

Прирожденная склонность героя к мистицизму и частое общение с приверженцами демонологии, надвигающаяся нищета и надежда на то, что дьявол своей силой предотвратит ее, любопытство и тяга к запретному - все это укрепило его связь с алхимией, и он погрузился в оккультизм.

Перерождение героя происходит постепенно. Автор стремится учесть все многообразие обстоятельств, как первостепенно важных, так и случайных, всю

сложность человеческой психики. Он тщательно рассматривает прихотливое взаимодействие сознания героя и темных инстинктов, дремлющих в его душе. Анализируя путь героя к осуществлению преступлений, Гюисманс пытается постичь природу поступка, идущего не от разума, а от биологического, „звериного” естества человека. Он ставит своей задачей познать этот потаенный механизм, исходя из твердого убеждения, что научному познанию подвластно все.

Отступничество от бога приводит Жилья к сближению с сатанинскими силами, а позже - к самому дьяволу, который постепенно завладевает душой героя. По мнению автора, дьяволу не обязательно принимать облик человека или зверя. Он может просто избрать человеческую душу, обосноваться в ней и побуждать свою жертву к необъяснимым поступкам и преступлениям.

Герой становится орудием князя тьмы, в его облике появляются совершенно новые, ужасные черты. Он ничем не отличается от других содомитов: он ненавидит женщин, его мутит при виде женской кожи. Он развращает мальчиков-певчих, которых сам отбирает для своего церковного хора. Ведь гю законам сатанизма того времени от него требовалось нисхождение по всем ступеням греховности прямо в ад: „Душа Жилья должна была сгнить, чтобы в ее надрывающей оболочке, чудесной дароносительнице, поселиться в аду” [1, с. 126].

В период с 1432 по 1440 гг. окрестности замка Тиффог были наполнены плачем: исчезали дети, не возвращались с поля пастухи, по дороге домой пропадали девочки. Количество жертв не знал даже сам маршал. Источники утверждают, что их было не меньше 300. Позднее Жиль признается в том, что он приносил человеческие жертвы, и заявляет: „Ничто не доставляло такую радость, как человеческие муки, слезы, страх и кровь”⁵¹ [1, с. 128]. Он становится гением смерти, превосходя самых страшных преступников и самых ужасных садистов. Все, что совершалось им, было данью дьяволу и порывом его души, желанием достичь совершенства во всем - будь то Добро или Зло.

Со временем Жиль перестал получать удовольствие просто от физических мук своих жертв, желая завладеть их душами, манипулировать любовью, привязанностью и благодарностью. За годы преступлений он изучил все человеческие пороки и с характерной ему изобретательностью в этой науке достиг совершенства: „На всей планете не найдется человека, который осмелился бы замахнуться на то, что сделал я” [1, с. 130]. Но этот путь, неожиданно, привел героя в тупик, вокруг него была пустота. Ведь лукавый часто обманывает тех, кто добивается его внимания. Лишь призраки, духи, плач и стон окружали его. Он не мог ни спать, ни есть, он только выл, как раненое животное.

Впав в степень полного безумия, с плачем он бродил по лесам, во всех звуках ему чудились стоны, крики. По ночам призраки и ужасные порождения ада протягивали ему свои уродливые объятия. Взмолившись о пощаде, герой, подобно волку, ползет к распятию: „И тут все в нем перевернулось. Он содрогнулся перед искаженным лицом Христа, который смотрел на него с распятия” [1, с. 132]. Неожиданно для себя человек, презиравший бога, начал молиться.

Перед казнью, в порыве горького раскаяния, он просит прощения у людей и у бога. По мнению автора, самым сильным в мире есть Добро и милосердие людское, которое не смог оценить герой при жизни. Не зверя, поглотившего самого себя, а лишь кающегося грешника видит народ в герое, вновь обратившемся к богу. Благодаря псалмам и

молитвам людей был вымолен покой грешной душе маршала.

В романе Гюисманса „Геенна огненная” нашел отражение „научный метод” братьев Гонкуров, определяющих роман как „клинический анализ” человеческого поведения, человеческих эмоций. Анализируя механизм преступности, вступающей в конфликт с социальными основами личности, Гюисманс стремится познать и „поставить диагноз”, чтобы открыть возможности лечения, преодоления тех темных инстинктов, которые толкают к преступлению и разрушению нравственных основ личности.

По мнению автора, вечные соперники - Добро и Зло, Бог Света и Князь Тьмы - ведут постоянную борьбу за душу человека. Лишь истинная вера и христианское милосердие способны оградить человеческую душу от Зла.

Список использованной литературы

1. Гюисманс Ж.К. Геенна огненная. - М., 1993.
2. Краткая литературная энциклопедия. - В 2-х тт. - Т. 2. - М., 1964.
3. Кучборская Е. Реализм Эмиля Золя. - М., 1973.
4. Реизов Б. Французский роман XIX века. - М., 1969.

Summary

*This article deals with the analysis of the naturalistic conception of the personality which Guismans personified in the story of morals lapse of Zill * de Re, the character of the novel „ Geenna Ognennaya ”.*

Т.М. Мішеніна

канд. філол. наук, викладач

ЗАСОБИ ОПИСУ ЗОВНІШНОСТІ ЛЮДИНИ В ХУДОЖНЬОМУ МОВЛЕННІ (на матеріалі роману Георгія Книша „Жайвір”)

Дослідження присвячене розв'язанню проблеми універсального й національного в мовній свідомості. Автор розглядає конструкції органічної належності (ядерні і похідні) в художньому мовленні як компоненти асоціативних ланцюжків на рівні бінарних відношень і як такі, що мають образотворчу роль, детермінують етносемантичне бачення зовнішності людини.

Проблема відображення зовнішності людини у свідомості носіїв є на сьогодні актуальною у зв'язку із тенденцією сучасних гуманітарних наук до повнішого вивчення людини як біосоціальної істоти. Безумовно, соматизми у світоглядній картині є детермінантами універсального й національного. Психолінгвістичні особливості сприйняття лексичної семантики слів розглядаються як типи словесних асоціацій [4; 6; 9; 11]. Через обмежений об'єм людської пам'яті і функціональних можливостей мозку, свідомість у процесі сприймання світу враховує, перш за все, ті компоненти чуттєвих образів, які є найбільш суттєвими для індивідуума. У багатьох випадках суттєвість